

— Пункт назначения. Двести метров. Слева от вас.

Даже с включённым навигатором в телефоне я едва не пропустила поворот. Чертовски странное место для шикарного ресторана — у чёрта на куличках, где-то в стороне от просёлочной дороги. В такое время суток — это заведение было практически не разглядеть с трассы: оно пряталось за густой стеной деревьев.

Я тихонько выругалась из-за отсутствия фонарей и вывесок. Пока я ехала по извилистой подъездной дорожке сквозь лес, в голову закралась мысль: а вдруг всё закрыто, и я зря потратила время? В конце концов, какой приличный ресторан работает в два часа ночи?

В сотый раз с того момента, как я вышла из дома, мне захотелось просто развернуться и уехать обратно. И в сотый раз я заставила себя двигаться дальше. Я была в отчаянии; мне до смерти нужны были эти деньги, иначе — полная и бесповоротная задница.

Но я поклялась себе: после этой ночи — всё. Я умываю руки. Сегодня я проведу обмен, заберу наличные, завтра закрою долг — и наконец-то стану свободной.

Дорожка вильнула в последний раз, деревья расступились, и я увидела его. Снаружи горели огни, а небольшая парковка была вполне прилично освещена. Даже как-то жутковато — с дороги всего этого великолепия не было видно от слова совсем.

Я припарковала свой минивэн, сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и только потом заглушила мотор. Схватив телефон и сумочку, я выбралась из машины.

В воздухе чувствовалась лёгкая прохлада, но, по крайней мере, было сухо, а небо радовало чистотой. По правде говоря, для конца сентября погодка выдалась неплохая. И всё же, подходя к главному входу, я поплотнее запахнула худи.

Внутри оказалось гораздо теплее. И да, местечко действительно было пафосным. Вестибюль украшали деревянные панели и обои в насыщенных красно-золотых тонах. У входа стояла небольшая стойка, но никакого метрдотеля поблизости не наблюдалось.

Я замялась. Хватило ума не переться внутрь и не бродить там в поисках неизвестно чего. Да я даже не представляла, что сказать — у меня ведь не было ни имени, ни пароля. В сообщении просто скинули адрес и велели быть здесь в два часа ночи субботы.

Я всё ещё ломала голову, как поступить, когда телефон в руке завибрировал. Глянув на новое сообщение, я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

«В дверь направо, затем налево, потом направо. Последняя кабинка слева, у окон».

Я огляделась по сторонам, но не заметила ни одной камеры наблюдения. Никаких зацепок,

откуда связной узнал, что я уже здесь. Наверное, камеры скрытые. Или висят снаружи, а я просто не обратила внимания, когда заходила.

Сделав ещё один глубокий вдох, я последовала инструкциям. Дверь вела в небольшой коридорчик, расходящийся в обе стороны. Я свернула налево, затем скользнула в следующий проём направо. И оказалась в обеденном зале ресторана. Приглушённый свет, тишина, элегантность. По обеим сторонам зала тянулись пять просторных кабинок, а в центре стояли шесть столиков. За тремя из них сидели гости. Мужчины в смокингах или тёмных костюмах. Некоторые женщины тоже предпочли строгий стиль, но большинство щеголяло в вечерних или дизайнерских платьях.

Ещё никогда в жизни я не чувствовала себя настолько не в своей тарелке. Стараясь не встречаться ни с кем взглядом, я попыталась незаметно прошмыгнуть мимо в своих штанах для йоги, толстовке и кроссовках. Поспешив в дальний конец зала к окнам, я остановилась у последней кабинки слева.

Кабинки здесь были просторными и глубокими, разделёнными толстыми деревянными перегородками до самого потолка. Это создавало ощущение полной приватности, словно в отдельных крошечных комнатках. Стол и диванчики были настолько большими, что на каждой стороне легко уместились бы трое.

Мой связной уже ждал, сидя в одиночестве с правой стороны. Трудно было судить о его росте, пока он сидел, но выглядел он высоким и стройным. Я прикинула, что в нём около метра восьмидесяти. Но что по-настоящему приковало мой взгляд, так это его внешность. До чего же красив. Ему бы в кино сниматься или блистать на обложках журналов.

Иссиня-чёрные волосы, чуть длинноватые и слегка растрёпанные, придавали ему эдакий грубовато-беззаботный вид. Гладко выбритое лицо, смугловатая кожа, тёмные глаза. На вид ему можно было дать лет тридцать, но я знала о его народе достаточно, чтобы понимать: скорее всего, ему ближе к трём или четырём сотням. Даже здесь, за столом, он сидел в длинном чёрном пальто.

Он поднял на меня взгляд, и моё сердце пропустило удар. Он был чертовски горяч, но мне было страшно. В животе зашевелилось какое-то странное, тягучее чувство.

Сглотнув, я постаралась, чтобы голос звучал ровно:

— Насколько я понимаю, вы ищете информацию?

Его взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз. Спустя пару мгновений он жестом указал на противоположную сторону стола:

— Присаживайся.

Голос у него был глубокий, но при этом удивительно мягкий и вкрадчивый. Сердце снова ёкнуло, когда я кивнула и скользнула на диванчик, напротив.

Он молча наблюдал за тем, как я устраиваюсь. Я изо всех сил старалась не показывать своего волнения, но была уверена, что он видит меня насквозь.

Ещё через несколько секунд он спросил:

— Что у тебя есть и какова цена?

Я нервно сглотнула и облизала пересохшие губы. Во рту пересохло. Вот оно. Отступить поздно. Слегка подавшись вперёд, я произнесла полушёпотом:

— Я полагаю, недавно объявился подменш. Я знаю, где его искать. Десять тысяч — и вы получите имя, адрес и фотографию.

Он сверлил меня взглядом ещё несколько мгновений, а затем спросил:

— Готова совершить сделку прямо сейчас?

Я снова огляделась, но кабинки и впрямь были полностью изолированы. Отсюда я не видела больше никого из посетителей. Наконец, я кивнула:

— Да.

На секунду мне показалось, что он тянется за оружием. Его рука скользнула под пальто, но, вынырнув обратно, легла на стол с туго перетянутой пачкой купюр. Он положил пачку между нами, но ладонь так и осталась лежать на деньгах, словно охраняя их.

Денег было видно достаточно, чтобы я могла их рассмотреть. Пачка сто долларовых купюр — новеньких, только-только из банка. На них даже осталась банковская лента с указанием количества и суммы. Сто банкнот, десять тысяч долларов.

Я почувствовала, как мои глаза расширяются, а пульс непроизвольно подпрыгивает. Это оно. Всё, что мне нужно, и я свободна. Завтра в это же время я стану независимой женщиной и больше никогда — ни-ког-да! — не свяжусь с фейри.

Мои руки слегка дрожали, когда я расстегнула сумочку и достала сложенный лист бумаги. Я распечатала его ещё в прошлом месяце и припрятала для подстраховки. Это была форма перевода студентки, скачанная из административной базы местного колледжа. Студентку звали Теган Вейл, двадцать два года. Там был указан её адрес — какая-то элитная высотка на берегу озера в центре города — и её фото в углу. Симпатичная девушка со странными

фиолетовыми волосами.

Я ненавидела себя за то, что делаю, но отчаяние брало верх. Лист был сложен пополам, так что текст оставался скрыт. Я положила его на стол и прижала ладонью — в точности так же, как он держал наличные.

Мой взгляд задержался на деньгах.

«Просто бери и уходи, — мысленно твердила я себе. — Бери и уходи. Не жди, не медли».

Я прекрасно знала, насколько опасными могут быть подобные сделки.

Мужчина снова наблюдал за мной. Казалось, он колеблется, и внутри начала зарождаться паника: вдруг это подстава? Я могла бы просто сорваться с места. Схватить бумажку и уйти. Или, да хрен с ним, бросить информацию и бежать.

Нервы уже натянулись до предела, когда он наконец подвинул деньги ко мне и потянулся к листу бумаги.

Я тихонько, с облегчением выдохнула, убрала руку с документа и вцепилась в пачку купюр.

— Лучше пересчитай, — бросил он.

Я кивнула. Ну конечно. Так всегда делают при сделках — нужно убедиться, что сумма точная. Мне нужны были десять штук, и вариант, что меня обсчитают, совершенно не устраивал.

Я сосредоточилась на пачке в руках и начала считать. Одна, две, три, четыре.

Мужчина просматривал переданный лист. Даже полностью поглощённая счётом, я видела — он доволен. Уголки его губ слегка дрогнули, словно он сдерживал улыбку.

Я продолжала считать. Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, тридцать.

— Если не возражаешь, спрошу: как к тебе это попало?

Я всё никак не могла привыкнуть к его голосу. Он точно мог бы стать кинозвездой. Или, чёрт возьми, хотя бы актёром озвучки.

Я нахмурилась:

— Ох, ну... я выполняла заказ. Для одной полукровки, Келси Коннолли? Она наняла меня в прошлом месяце — нужно было взломать базу колледжа и оформить перевод подменыша. Келси взяла девчонку под свою опеку.

Я вернулась к подсчётам. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

Теперь нахмурился и мужчина:

— Я бы на твоём месте держался от этой компашки подальше.

— Почему? — спросила я, оторвавшись от денег. — Вы её знаете?

Он едва заметно покачал головой:

— С Келси не встречался. Зато знаю её отца. Вот уж с кем из фейри точно не стоит пересекаться. Скверный тип.

Я лишь кивнула. Завтра в это время я буду свободна. Больше никаких дел ни с Келси, ни с другими фейри. Никогда.

Я снова вернулась к пересчёту. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть.

Мужчина спрятал бумагу под пальто, сказав:

— Спасибо. Ты очень помогла.

Я только кивнула, не отрывая взгляда от денег. Двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре.

Спустя мгновение меня отвлекла официантка, положившая передо мной на стол счёт. Я в изумлении подняла глаза и огляделась. Мужчина исчез. На том месте, где он сидел, остались лишь пустая тарелка и бокал. И он кинул меня на оплату счёта. Я хмуро посмотрела на официантку, а затем перевела взгляд обратно на деньги, которые считала.

Желудок ухнул вниз, а руки задрожали. Я сжимала стопку маленьких бумажных прямоугольников, и на каждом из них карандашом было выведено слово «деньги».